

Юрий Теплов

Время собирать камни

Роман

Юрий Теплов

Время собирать камни

«Издательские решения»

Теплов Ю.

Время собирать камни / Ю. Теплов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935681-9

Это роман-исповедь. Жизнь его персонажей тесно переплелась с историей страны: Великая Отечественная война, события в Венгрии 1956 года, перестройка и ельцинское безвременье. И через все это тонкой нитью, иногда рвущейся, проходит первая любовь главного героя романа. Жанр романа — историческая проза с детективным сюжетом.

ISBN 978-5-44-935681-9

© Теплов Ю.

© Издательские решения

Содержание

1953 – 1955 г. г. Не отслужил – жених с браком	6
На перехлёсте путей	6
Салаги – первокурсники	10
Антилопа глазастая	16
Осень, прозрачное утро...	18
Выпускники	23
Годы 1955—1956.	27
Лейтенанты	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Время собирать камни

Юрий Теплов

Время может нестись вскачь или ползти, словно улитка. Но его не остановишь. Шарик земной крутится, как и всё мироздание. Не успел оглянуться, а все уже позади. Должно бы и былшем порости, аи нет – дышит, колышется. И трава остается вечнозеленой, будто жизненная непогода ей ни о чем. А между тем, пришла пора собирать камни. Смысл этого древнего выражения в том, что время всё расставляет по своим местам. И надо остановиться и оглянуться на прожитые годы. А надо ли?..

© Юрий Теплов, 2018

ISBN 978-5-4493-5681-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1953 – 1955 г. г. Не отслужил – жених с браком

На перехлёсте путей

Перрон уфимского вокзала гудел нетрезвыми голосами, гитарными аккордами, гармошками, частушками и смехом. Ждали эшелон для отправки призывников. Один вагон предназначался для будущих курсантов военных училищ города Чкалов. Так тогда именовался нынешний Оренбург. В нем располагались два авиационных училища и одно зенитно-артиллерийское.

От товарняка на соседних путях пахло мазутом и прокисшей капустой. Теплый ветерок казался сладковатым.

Меня провожала моя строгая маманя. Строгость, наверно, от профессии. Она была завучем в школе семилетке и подрабатывала у вечерников. Преподавала им русский язык и литературу.

И еще меня провожала Дина Валиева.

Я познакомился с ней на школьном вечере, когда учился в девятом классе. Это произошло 23 февраля, в день Советской армии. На вечер были приглашены девчонки из третьей женской школы, что на улице Пушкина. Школьники и школьницы учились в те времена раздельно, и совместные вечера были праздником. Девчонки являлись на них в парадных белых передниках и с белыми бантами в прическах.

Танцевать я не умел, но расхрабрился и пригласил худенькую девочку в кружевном переднике. Пару раз наступил на ее белые туфельки. Она взяла меня за руку и вывела из танцевальной сутолоки.

Мы встали у окна. На улице в фонарном свете кружились, плавно взлетали и опускались снежинки.

– Я – Дина, – сказала она и протянула узкую ладошку.

Так мы познакомились, и я влюбился надолго и по уши.

Ходили в кино и на каток. У нее были свои коньки на красных ботиночках. В те времена они казались мне немыслимой роскошью.

Я брал коньки напрокат. Ботинки были с рыжими веревочками вместо шнурков. Чтобы они не хлябали на ногах, я туго обматывал их белой тесьмой. Получалось даже красиво.

На катке постоянно звучала музыка. Чаше всего ставили пластинку с танго «Осень» в исполнении магаданского сидельца Вадима Козина. Его к тому времени освободили, и он разъезжал с концертами по стране. Динамик разносил слова «Не уходи, тебя я умоляю...», а я соотносил их к Дине. Думал, что бы в жизни ни произошло, я не позволю ей уйти от меня.

После катка я провожал ее домой. Жила она на улице Сталина в доме правительства. Отец Дины был республиканским министром, потому и получил квартиру в этом доме. Мы шли по заснеженным улицам, я нес ее коньки. Она рассказывала про вредную учительницу физики, про младшего хулиганистого братишку Дамира. А я читал ей стихи Сергея Есенина, к которым приохотила меня моя маманя.

Их дом был обнесен металлической оградой. Охраны не было заметно. Только привратник в будке. В те времена никого не отстреливали, не похищали. Мы проходили в распахнутую калитку во двор и прощались у подъезда. Я возвращался в свою коммуналку, где жил с матерью.

Летние каникулы я провел без Дины. Её и Дамира мать увезла на Черное море. В Крыму была дача правительства Башкирии.

Моя маманя устроилась на лето воспитателем в пионерский лагерь. А я – вожатым младшего отряда. На заработанные деньги купил на барахолке пластинку с названием «Не уходи». Исполнял наше с Диной любимое танго не автор Вадим Козин, а эмигрант Петр Лещенко. Так я думал тогда. Лишь позже меня просветили, что эмигрантом он не был. Я ставил пластинку на патефон и словно снова был на катке...

Маманю Дина впервые увидела на вокзале, когда мы ждали эшелон. Мать взглядывала на неё и красноречиво вздыхала. Та ежилась под ее взглядом. Я взял ее под руку: все в порядке, мол, я с тобой.

– Сними, жарко, – шепнула Дина, кивнув на кепку.

Кепкой я прикрывал стрижку под ноль. До призыва мою голову украшала русая шевелюра. Я не жалел о ней. Но за ту неделю, что мы прожили на сборном пункте в палатках, так и не привык к босой голове. Да и кто привык? Серега Грудинин тоже напялил соломенный брыль с загнутыми полями и этим выделялся из кучи будущих курсантов Чкаловского училища зенитной артиллерии, сокращенно – ЧУЗА.

С Серегой, мы, хоть и жили на одной улице, но не приятельствовали. У него своя компания, у меня – своя. Но встретившись на медкомиссии, обрадовались и старались держаться вместе. Он как-то сразу приспособился к новому быту. Отвоевал в палатке место в углу нар. Я устроился рядом с ним. По другую сторону оказался молчаливый и весь какой-то несимметричный парнишка-мужичок.

– Зовут как? – зычно спросил его, разравнивая соломенный матрас, Серега.

– Даниял. Бикбаев.

– Откуда?

– Бурзянский.

Бурзянский район – таежная уральская глушь на севере Башкирии.

– Тоже в офицеры захотел? – продолжал допытываться Грудинин.

– Ага...

Грудинина провожали сисястая Лидуха, родимый дядя и еще куча народу. Сам он с гитарой на спине был слегка пьян и весел. Он был красавец парень и владел Лидухой на правах жениха.

Поддатый дядя уверенно стоял на кривоватых ногах – коренастый, с густой копной черных волос, в куртке с замками-молниями, из-под которой выглядывала тельняшка. В руках у него была бутылка с портвейном и граненый стакан...

Данияла Бикбаева никто не провожал. Набывчившись, он стоял в стороне и время от времени взглядывал то на нас троих, то на Серегу с Лидухой.

– Данька! – крикнул Серега, – Сено жуешь?

У Бикбаева была привычка шевелить губами, если он чувствовал себя неуютно или не знал, что делать.

Мы переименовали его имя на русский лад, и называли Данилой или Данькой.

– Кати к нам! – не унимался Серега. – Дам разок Лидуху полапать.

Та шлепнула его по губам, и он снова обхватил ее своими клешнями.

«Как родная меня мать провожала!...» – залилась гармонь, и тонкий бабий голос перекрыл перронный гомон. А Лидуха висла на Сергее, обвивала его, и, казалось, готова была отдаться ему прямо в этом многолюдье. Глядя на нее, дедок, провожавший на службу внука, чмокнул губами и прошепелявил:

– Всего высосешь, оставь маненько!

– Что мое – то мое, – откликнулась та.

– Племяш! – позвал флотский дядя. – Кончай лизаться! Айдайте на посошок!

Серега подтолкнул Лидуху в круг, дядя сунул ей стакан. Она зажеманилась, но тот сказал, как гвоздь вколотил:

– Уважь!

Она отпила, передала Сереге. Тот поднес стакан к губам, но дядя остановил его:

– Погодь! – ловко достал из кармана брюк-клешей деревянный половник. Налил в него из бутылки, чокнулся о стакан.

– Жизнь и бабу держи в руках. Не дай никому себя обойти. Будем!

Серега махом глотнул. Оба крякнули и утерлись ладонью.

– Милуйтесь! – приказал дядя.

«Как родная меня мать провожала-а-а...»

А мне моя маманя втолковывала, чтобы был осторожен, ни с кем не связывался и не перечил командирам. Мне было стыдно перед Диной за эти наставления. Я мычал в ответ: буду, мол, хорошим и связываться ни с кем не стану. Дина молчала, переминалась с ноги на ногу. Я видел, что ей не по себе от разногласия гама, от Серегиной лихости, от того, что моя маманя нет-нет, да и бросала на нее колючий взгляд: все равно, мол, сын мой, а не твой. Я так и читал ее взгляды и ощущал, как неловко от них Дине.

Лицо у матери было строгим, даже жестковатым. Волосы в этот раз она почему-то зачесала назад, и ото лба к уху заметно белел шрам.

– Волки на память оставили, – сказала она, будто отвечая на чей-то вопрос.

Шрам остался еще от послевоенных голодных времен, когда она ездила в деревню обменивать на еду кормовую соль. В те годы соль в российской глубинке была в большом дефиците. Огромные белые куски посчастливилось мамане тогда получить вместо хилой учительской зарплаты. Где-то по дороге от станции Белое Озеро к деревне Уваровка и нагнали ее волки. Перепугалась, а мешок с солью не бросила. Бежала по дороге, подгоняемая стаей, и не услышала, не увидела, как вымахнула из бурана лошадиная морда. Очутилась мать прижатой к передку председательской кошевки. Волочет она ее по дороге, а перед глазами лошадиные копыта... Обошлось, шрам вот только и остался.

– Вы прогуляйтесь, а я посижу на завалинке, – вдруг предложила она.

Завалинкой она назвала бетонные отмостки станционного здания. Назвала намеренно, назло начальнической дочке Дине, чтобы подчеркнуть, что мы такие вот, от земли, не то, что вы... Я видел, что она не хотела меня отпускать. Но переселила себя, с досадой на чужую девчонку и с демонстративным великодушием, оценить которое в первую очередь должен был я.

– Пойдем, – сказал я Дине.

Мы уходили по низенькому перрону. Миновали тепловоз и остановились на гравии у переплетения путей. И сразу отступила вокзальная толчея. Я хотел ее поцеловать, но что-то тормозило меня. Впервые мы поцеловались после выпускного вечера в школе. И через два дня поехали на служебной машине ее отца к ним на дачу на берегу речки Дёмы. Там было море ромашек на лугу и ее мама с папой. Отец спросил меня:

– Какую же ты, Леня, решил избрать профессию?

– Пойду в военное училище.

– Привлекает форма?

Если честно, то форма привлекала. Тогда она была в почете. Парень, не отслуживший в армии, даже в женихи не годился: с браком! Через два десятка лет, в годы смуты, начавшейся с горбачевской перестройки и продолжившейся в ельцинское безвременье, армию станут поливать помоями, а защитников Отечества обзывать дармоедами. Тогда и возникнет эпидемия уклонистов. Призывники станут косить от службы, покупая липовые справки и военные билеты. Смута – это период, когда можно красть, брать и давать взятки. А уклонение от службы в армии – так, мелкий грешок, почти норма поведения.

Но до перестройки было еще далеко. И я представлял себя в хромачах, в галифе и гимнастерке, перетянутой ремнями. А на плечах – золотые погоны. И вспоминал при этом песню,

которую пели бабы уже после того, как давно кончилась война, и я мог переваривать и запоминать услышанное:

*...С золотыми погонами,
И вся грудь в орденах...*

Бабы пели и плакали. А я уж точно знал, что придет срок, и я появлюсь в Уфе в этих самых золотых погонах и пройду гоголем по улице Ленина, сверну на улицу Сталина – и вниз, до дома правительства, где встречу с Диной.

...Мы стояли на перехлесте путей. Она была грустная, как ромашка, заплутавшаяся на берегу.

– Я нашу пластинку с собой взял, – сказал я. – Стану слушать и посылать тебе: не уходи!

– Не уйду. Ждать буду.

Мы замолчали. Я притянул ее к себе. Она готовно прильнула. Затем спросила:

– Ты сильный?

Лишь через годы я понял этот вопрос. А тогда вместо ответа стал осыпать ее лицо поцелуями.

С перрона несло: «Как родная меня мать – эх! – провожала-а...»

Салаги – первокурсники

Серегу, Даньку и меня распределили в батарею, которой командовал капитан Луц. Наутюженный, в начищенных до блеска сапогах и в гимнастерке с орденами и медалями, он приходил на утренний развод, словно собрался на парад. Было ему лет тридцать, не больше, а уже седой. Голоса никогда не повышал, но говорил, как гвозди вколачивал. Ослушаться комбата, тем более перечить ему никому и в голову не приходило. Не то, чтобы боялись, а уважали за награды и седину.

В тот раз тревогу он объявил задолго до рассвета. Механиками-водителями тягачей были курсанты второго курса. Они уже имели водительские права. Мы – номерами оружейных расчетов. Даня и я – наводчики по горизонтали и вертикали. Серега исполнял обязанности командира расчета.

В чем-то я тайно завидовал Сереге Груднину. Его способности постоять за себя в любой обстановке, быть всегда на виду у начальства. И даже уметь играть на гитаре и прилично петь...

В учебный центр батарея прибыла еще затемно. Не успело брызнуть солнце, а мы уже приступили к оборудованию переднего края.

Попросту говоря, рыли длинную, с изломами траншею с оружейными двориками для 57-миллиметровых зениток. То было плановое занятие по тактике. Учебный вопрос именовался длинно и мудрено, но суть была конкретная: на нашу огневую позицию напал неприятельский десант, и мы должны были разгромить его решительно и бесповоротно.

Противник десантировался на песчаную проплешину, сиявшую почти у самой вершины поросшего рыжей колючкой бугра. Держа карабины наперевес, мы выскакивали из траншеи и с яростью кидались наверх. Но голос комбата вновь и вновь «выводил нас из строя». Мы откатывались назад и опять закапывались в землю.

Завтрак старшина Кузнецкий привез нам в поле еще на рассвете – сухой паёк из банки рыбных консервов, пачки галет на двоих и двух кусков сахара. Само собой, что уже через три часа от сытости остались одни воспоминания. В предвкушении нормального обеда мы обрушивались на ни в чем неповинную проплешину и осатанело крушили условного противника. К часу дня добили его и умотались вусмерть.

В училище возвращались «пеше – по-машинному», так именовался быстрый походный шаг.

Старшина батареи был свой же брат – курсант, только с третьего курса.

Вредный был старшина Кузнецкий. Глядел на первокурсников, словно он крокодил, а мы – мелкая живность.

Перед обедом он построил батарею повзводно: впереди – выпускники и второкурсники, а мы, салаги, в самом конце. Старшекурсников отправил в столовую, а нас оставил.

– Курсант Груднин!

– Я! – выкрикнул Серега и отпечатал два четких шага из строя.

– Пятнадцать минут строевой подготовки! Занимайтесь с взводом!

– Слушаюсь.

Боже, как же не хотелось заниматься шагистикой! Гудели ноги и руки, хотелось жрать, как из пушки, а тут...

– Р-р-ра-йсь! Сыр-р-ра-а!.. Отставить!

Красиво командовал Серега. А строй исполнял его команды некрасиво. Старшина сплюнул и вмешался:

– Вы – что, салаги? Из института благородных девиц? Как держите головы? Подбородки – выше! Курсант Бикбаев, опять спите?

– Никак нет, – бодро ответил Данька.

Даня любил поспать. Это все знали. Однажды на классных занятиях по противохимической защите мы долго сидели в противогазах. Потом преподаватель скомандовал снять их. Мы с облегчением стащили маски, и лишь Даня, упершись рукой в подбородок, поблескивал противогазовыми очками.

– А вас, Бикбаев, не касается?

В классе повисла тишина, и в ней мы услышали спокойное похрапывание...

Но в этот раз он не спал. Стоял рядом со мной по правую руку и тарасился на старшину раскосыми карими глазами.

– Чего уставились, Бикбаев? – голос Кузнецкого всегда отливал металлом. – Я вам не девка с голыми титьками! Курсант Грудинин, спал Бикбаев в строю или нет?

– Так точно, спал! – громко выкрикнул Серега.

Я уставился на него. Он что, спятил?

– Курсанту Бикбаеву за нарушение дисциплины строя..., – с паузой объявил старшина, – два наряда вне очереди! Чистить галюн!

За что он невзлюбил Данияла, я не понимал. Конечно, по сравнению с городскими ребятами, он выглядел тугодумом. Но был старательным, дружелюбным и добрым.

– Что вы жуеете губами, Бикбаев? У вас что, во рту мухи сношаются? – продолжил Кузнецкий. – Должны ответить: «Слушаюсь».

– Слушаюсь, – произнес Данька.

– А вы, Дегтярев, чего мотаете головой, как лошадь на параде? – Это уже я попал в поле зрения старшины. – Что за скотские манеры? Один жуеет, другой головой мотает!.. Чтобы служба не казалась медом... – раздельно, словно подавая предварительную команду, отчеканил Кузнецкий, – нале-э-ву! Шагом... арш!.. Командуйте, Грудинин!..

Вечером мы сидели в кубрике – так, на матросский лад, называли свой казарменный отсек. По велению старшины мы с Бикбаевым держали раскрытым устав внутренней службы и делали вид, что читаем его. Грудинин подшивал свежий подворотничок и время от времени взглядывал на нас. Вдруг Данька встал, подошел к нему. Тот поднял голову:

– Что скажешь?

– Сукур чебен! – и пошел на место.

– Что ты сказал? – оторопел тот.

– Гнус! – не оборачиваясь, проговорил Данька.

У Грудинина дернулась щека. Отложил гимнастерку.

– Ты, Колода! Ну-ка повтори!

Прозвище «Колода» Бикбаев заполучил с легкой руки Грудинина еще в «карантине», когда мы проходили курс молодого бойца. Кто-то разгадывал кроссворд и спросил:

– Сборник карт – что?

– Колода, – не задумываясь, ответил Даниял.

– Сам ты Колода, – вмешался Серега.

Прозвище так и осталось...

– Повтори! – процедил Грудинин.

– Ты гнус!

Серега встал и двинулся на Даньку. Я видел, что силы не равны. Бикбаев на полголовы ниже Грудинина. Даня стоял бычком в готовности и глядел, как тот надвигается.

Не знаю, что меня подняло с табурета, хребцем я себя не считал.

Но что-то толкнуло. Вскочил и с разгона двинул Сереге по красным губам. Он не ожидал нападения, отлетел к кроватям, ударился головой о спинку. Поднялся, двинулся на меня. Я схватил табурет, выставил перед собой и завопил:

– Подойди только!

И тут же услышал:

– Курсант Дегтярев!

На входе в кубрик стоял старшина Кузнецкий:

– Грудинин, идите в умывальник и приведите себя в порядок. А вы, Дегтярев, через полчаса – в каптерку!

Ну, и невезуха! Влепит Кузнецкий – мало не покажется.

Даня пробормотал:

– Однако не надо тебе было... Я сам бы...

Грудинин явился из умывальника с мокрыми волосами и распухшими чистенькими губами. Глянул на нас исподлобья и опять принялся пришивать подворотничок.

В канцелярию я шагнул минута в минуту.

– Опоздали на сорок секунд, – объявил старшина и стукнул ногтем по циферблату своих часов.

Я не стал возражать. Стоял, уставившись на портреты Ленина и Сталина на стене. И явственно ощущал, что старшина Кузнецкий разглядывает меня, ровно букашку. Затем он сказал, разделяя каждое слово:

– Офицер, не научившийся подчиняться и соблюдать воинские уставы, армии не нужен. Вывод: будущий лейтенант Дегтярев не нужен тоже.

Неужели отчислят? Я почувствовал, как обволакивает меня замешанная на злобе паника. На злобе к этому старшекурснику и к красавцу Грудинину. Слабым проблеском в мутном сознании мелькнуло: отслужу срочную и вернусь в училище.

– Вас Грудинин оскорбил? – продолжал пытку Кузнецкий.

– Никак нет.

– Почему же вы кинулись на него с табуретом?

– Бикбаев обозвал Грудинина, а тот...

– Не вижу логики, Дегтярев! Один обзывает образцового курсанта, другой бьет. А если бы я не вмешался?..

Прежде чем отпустить меня, он сделал паузу, вновь поглядел, как на букашку. Наконец, махнул рукой, и лицо его приняло брезгливое выражение.

Даня встретил меня, виноватый и грустный.

– Грозил из училища отчислить, – хмуро сообщил я.

После старшины меня воспитывал командир взвода старший лейтенант Воробьев. Беззлобно, почти равнодушно, словно бы выполнял неприятную обязанность. Скорее всего, так оно и было. Наш взводный стал недавно чемпионом Южно-уральского военного округа по десятиборью и постоянно пропадал на тренировочных сборах. И то, что происходило во взводе, ему, похоже, было до лампочки.

Вечером меня пригласил на беседу командир батареи капитан Луц. На «беседу» он не вызывал, а «приглашал».

Я переступил порог его кабинета и по уставу доложил о прибытии.

– Садитесь, рассказывайте, – показал он на стул.

Я не мог выдавить из себя ни слова. Глядел на пепельницу, вырезанную из снарядной гильзы, и не отрывал от нее глаз. Комбат тоже молчал. Наконец, я открыл рот:

– Виноват.

В этот момент и раздался стук в дверь.

– Разрешите войти? – Грудинин вырос в проеме, лихо вскинул руку к козырьку: – Я по поводу конфликта.

Комбат с любопытством глянул на него.

– Слушаю вас.

– Виноват во всем я, товарищ капитан.

И стал рассказывать, как всё было. Ничего не утаил. Даже о том, что старшина Кузнецкий объявил Бикбаеву два туалетных наряда несправедливо.

У меня было такое ощущение, будто не я, а кто-то другой, со стороны, наблюдал всю эту картину. Мне казалось, что в глазах комбата прячется усмешка.

Закончил Сергей словами:

– Готов понести любое наказание.

– Хорошо, – сказал капитан Луц. – Свободны.

Когда тот вышел, он спросил меня:

– Где отец-то ваш погиб?

– В Прибалтике.

– Тоже артиллеристом был?

– Дивизионом командовал.

– И я в Прибалтике воевал. Командиром расчета ЗПУ. Родные для меня места.

Он сделал паузу и неожиданно для меня перешел на «ты».

– Как ты в школе учился?

– Средне.

– В училище пошел по желанию?

– Так точно.

– Я наблюдал за вами. Но особого рвения и способностей пока не заметил. Вопросы или просьбы есть?

– Не отчисляйте из училища.

– Не отчислим...

Во мне дрогнуло все сразу. Я вдруг увидел на стене картину с беспокойным морем и силуэтом корабля вдалеке. Тикали ходики с гирькой на цепочке и немецкими буквами на циферблате, наверно, еще трофейные. По кабинету плавал табачный дым.

– Иди, Дегтярев. Месяц без увольнения в город...

Я вышел, словно хлебнувший хмельного. Верный Даня топтался поблизости. Увидев меня, спросил шепотом:

– Списывают?

Я тоже ответил шепотом:

– Нет.

– На губу?

– Нет.

– А куда?

– Никуда. Месяц без увольнения. Грудинин все на себя взял...

На вечерней поверке я извинился перед Грудининым, на этом настоял Кузнецкий. Сергей по собственной инициативе извинился перед Бикбаевым. А старшина, скрипя зубами, отменил ему туалетное взыскание.

С Серегой потихоньку все утряслось. Он сам подошел к нам:

– Не казните, земляки!

– Чего там, – буркнул Даня.

Я сказал:

– Ты молоток, Серега!

Мы трое были земляками. А земляки в армии – почти родня. Да и благодарен я был ему. Не побоялся, выручил...

Месяц неувольнения – тьфу! Я и так не рвался в город.

У меня была Дина, и знакомиться с другими девчонками я не собирался. Данька в знак солидарности со мной тоже не записывался в увольнение. Зато мы с ним записались в секцию

бокса. Благо, физкультура и спорт были в нашем училище в большом почете. По утрам мы с Данькой вставали за полчаса до подъема и нарезали круги по беговой дорожке на стадионе.

В воскресные дни я сидел в ленкомнате, писал мамане короткие письма-донесения и сочинял Дине длиннющие послания. В ответ же получал от нее тоже что-то вроде донесений: про лекции в институте, про незнакомых мне студентов – и лишь в самом конце – люблю...

Когда это было?.. Время прошло белое краской по головам. Белые снега запорошили хоженные тропы. Белые ветры разметали нас по белу свету. Но мальчишки остаются мальчишками, сперва взрослыми, затем седыми и старыми...

По весне, в конце первого курса, мы участвовали в бригадных учениях. Несколько суток наша батарея перепахивала полигонное поле. Наверху писали приказы и придумывали вводные. Выпускники были командирами, а мы все – рядовыми. Куда прикажут, туда и перемещались. Закапывались в землю, отражали налеты авиации «противника», бросали готовые оружейные дворики и опять куда-то ехали, чтобы закапываться снова.

Это называлось «производить инженерное оборудование». К исходу четвертых суток мы произвели пятое или шестое такое оборудование. Забрались после несытного походного ужина в палатку и, перебрасываясь словами, слушали, как шуршит о брезент мокрый снег.

Я лежал с закрытыми глазами и видел улицу Пушкина в Уфе, мохнатый и медленный снег, покрывавший тротуар белой пуховой шалью. На ней четко выделялись две пары следов: Динины и мои... Еще видел вокзальный перрон и перехлест путей, где мы стояли с ней, покинув маманю.

– Ты сильный? – спросила она.

На такие вопросы не отвечают. И я не ответил. Хотя и был самым сильным в тот миг и мог сделать все, что она пожелает.

– Надеюсь, что сильный, – сказала она. Обхватила мою голову и поцеловала как-то очень уж по-взрослому – в лоб, в щеки. И в губы, так что помутнело в глазах.

На грешную землю меня вернул старшина Кузнецкий. Он был дублером нашего взводного старшего лейтенанта Воробьева, который снова воевал на спортивных сборах. Старшина возник в палатке посланцем дьявола и произнес бодреньким голосом:

– Связистов вывел из строя посредник. Со штабом связи нет. Желющие прогуляться, двое!

«Прогуливаться» по такой погоде никто не желал.

Я ужасся, стараясь не шевелиться, чтобы не попасть в поле зрения старшины. И услышал голос Грудинина:

– Я готов, товарищ командир, – Кузнецкому нравилось, когда его называют командиром.

– Кто еще?

С тоской взглянув на Сергея, я поднялся. Собственно, мог и лежать, завернувшись в плащ-накидку, но какая-то сила вытолкала с места, и я обреченно ей подчинился.

В поле шел дождь со снегом. Случается весной такая погодная несурезица – ни просвета в небе, ни надежды, что такой просвет появится.

Сергей взвалил на плечо телефонную катушку и споро зашагал в темноту. Мы шли вдоль линии связи, утопая в грязи по кромке глинистого, с рыхлыми снежными островками оврага. Шли бесконечно долго, пока не наткнулись на обрыв в линии. Это тоже была вводная: метров пять провода были аккуратно вырезаны. Устранили повреждение и зашагали обратно под нудной рассыпчатой моросью.

– Ты Лидуху помнишь? – спросил вдруг Сергей.

Конечно, я помнил Лидуху, обнимавшую Серегу в вокзальной толчее. С чего бы он заговорил про нее?

– Надоело письма ей сочинять.

Мы вышли на дорогу, перепаханную тягачами. Зашагали по грязному месиву. Невдалеке, нарушая все инструкции по маскировке, вспыхнула фара. Сергей остановился. Я тоже.

Фара погасла, и ослепила темнота.

– У тебя, Леня, как в уставе, – сказал он. – Кончишь училище. Твоя студентка – институт. Поженитесь... Слушай, а ведь вы не поженитесь. Знаешь, почему? Потому что долгие разлуки нам не по зубам. Естество свое потребует.

– Не потребует.

– Ты баб еще не знаешь.

– А ты знаешь?

– Даже красавица не может дать больше того, что у нее есть.

– Причем здесь красавица?

– К слову прищлась. Дядино выражение.

– Он женат?

– Разведенный. Пока плавал, жена хахаля завела. Он их и застукал. Ну, и отходил ремнем с флотской пряжкой чуть не до смерти. Судили. Условно три года дали. Ордена помогли.

– Не женился больше?

– Нет. У него на эту тему теперь своя философия. Когда выпьет, всегда повторяет: брак – территория с глухим забором. Кто снаружи, интересно зайти внутрь, а те, кто внутри, хотят выбраться наружу. Мне нравится.

– Мне – нет.

– Серега криво усмехнулся и промолчал.

Флотский дядя был братом матери Сергея. Та умерла при родах. Отец куда-то завербовался и сгинул. Малыша забрала бабушка. Распрошавшийся с морем дядька взял его под свою мужскую опеку.

– Ты что-то про Лидуху говорил, – напомнил я Сереге. – Ты ее любишь?

– С Лидухой нас связывало только траханье. Были бы рядом – может, и притерлись. А так – на хрен она мне нужна?

– Ты напиши ей, чтобы не надеялась.

– Зачем? Еще отпуск впереди...

После отпуска Сергей все же послал Лидухе прощальный привет. К тому времени он уже стал сержантом и командиром нашего расчета. Но до отпуска было еще далеко, как и до лычек на погонах.

Серега бегал по ночам в самоволку в детский садик, которым заведовала глазастая юная дамочка. Садик находился сразу за училищным забором. Я же исполнял обязанности сторожа. Если кто-то из начальства интересовался Сергеем, мчался сломя голову к ним, и через пять минут самовольщик был на месте: входил в кубрик без ремня и в сапогах на босу ногу, вроде бы из туалета...

Антилопа глазастая

В те времена женихи в погонах были нарасхват. Девчонки напропалую клеили курсантов в надежде стать офицершами. В одно из воскресений мы с Данькой получили законные увольнительные и отправились на Беловку. Так называлась березовая рощица, раскинувшаяся на берегу Урала. Там и засекли нас две смешливые подружки. И, наверно, заранее нас распределили. Глазастая и языкастая окликнула:

– Курсанты, пирожков хотите?

Мы хотели пирожков. И с ливером, и с капустой. Запасливые подружки даже прихватили из дома термос с чаем.

Глазастую звали Ольгой. Пухленькую блондиночку, которая, как я понял, предназначалась мне, Сталиной...

Наш роман с ней ограничился пирожками. А Данька влюбился в глазастую мгновенно.

Увольнений в город ждал, как манны небесной. Назанимал у курсантов денег. У меня – два рубля, у Сереги – целую десятку. Грудинин был самым богатым из нас, флотский дядя ежемесячно высылал ему 10—15 рублей. Данька не скрывал, что деньги ему нужны, чтобы купить Ольге букет и сводить ее в кафе. В общем, проводил он с ней все свои увольнительные дни.

Так было, пока он не привел ее в училищный клуб на вечер отдыха.

Вечера отдыха были отдушиной в напряге учебных будней. Их приурочивали к какой-либо дате. Этот вечер пришелся на канун Первомая. У КПП кучковались девчонки. Надеялись, вдруг кто-то из курсантов, не успевших обзавестись подружкой, выйдет и проведет на вечер. У некоторых надежды сбывались.

Как и положено, вечер начался с концерта курсантской художественной самодеятельности. Участвовал в нем и Серега Грудинин. На него девки всегда западали: красавчик! Темноволосый, смуглолицый, с прямым крупным носом и с грешными губами. Ему долго аплодировали и вызывали на «бис», когда он спел под гитару про ту, что рядом, но «все ж далека, как звезда». На «бис» он исполнил свою, курсантскую:

*Крутится, вертится шарик земной,
Вместе с расчетом и вместе со мной.
В небе крадется ипион-самолет,
Полк наш зенитный ипиона собьет.*

Не знаю, кто сочинил слова. Песня перешла к нам по наследству. Сереге снова долго хлопали. Но ведущий уже объявил акробатов...

После концерта начиналось самое главное – танцы под радиолу. В зале надзирал за порядком лысоватый капитан с медалями на кителе, начальник клуба. В будке с радиолой сидел главный училищный комсомолец весельчак и балагур капитан Вьюнов. Ему я, как обычно, отдал свою пластинку, чтобы пару раз он прокрутил ее. В ожидании музыки мы стояли втроем, Даня с Ольгой и я. Серега о чем-то беседовал с начальником клуба. Наконец, из динамика послышалось легкое постукивание, и хорошо поставленный баритон Вьюнова произнес:

– Танго «Не уходи». Приглашают дамы.

Не успели мы с Данькой очухаться, как Ольга сорвалась с места и помчалась к Сереге. Склонилась перед ним, словно балерина. По залу плыла наша с Диной музыка. Петр Лещенко умолял неизвестную даму не уходить, а от Даньки Бикбаева уходила Ольга. Она жалась к Сергею, как кошка, и не отпустила его и после танго.

По первости Даня глядел на них скорее удивленно, чем обиженно. Потом рванул из клуба, и я нашел его на стадионе. Видеть Сергея он не хотел. Я предложил:

– Давай вызовем его и набьем морду.

Морду каждый из нас вполне мог ему набить. Мы же занимались боксом. Тренер даже собирался включить нас в сборную команду училища.

– Грудинин не виноват. Она сама, – ответил Данька...

Сергей появился в казарме перед самой поверкой и сам подошел к нам:

– Я сволочь, да?

Он всегда умел найти слова, после которых мужские разборки исключались.

– Данил! Хочешь, я не стану с ней встречаться?.. Но и тебе не обломится, понимаешь!

Она уже на мне заиклилась... Чего молчишь?

– Чего там, любитесь, – буркнул Даня.

– А у нас на лугах клевером пахнет, – сказал он однажды.

Мы топтали в тот день польный косогор, катали руками свою 57-миллиметровую пушку и падали на траву в короткие перерывы.

– А у нас хариус в реке водится, – сказал он в другой раз, когда мы переходили вброд разлившуюся после ливня Узу.

И я отлично представлял бурзянскую деревишку, прилепившуюся к крутому берегу реки Белой, где Даниял прожил свои девятнадцать лет.

В увольнение он продолжал записываться. Уходил в город, прихватив спортивный костюм, и отправлялся на товарную станцию. Нанимался в грузчики, чтобы расплатиться с долгами.

Ольгу он больше не упоминал...

Осень, прозрачное утро...

В первый курсантский отпуск нас отправили в сентябре. В тот год он выдался теплым и солнечным.

Все дни я проводил с Диной. Маманя обиженно вздыхала и укоряла меня:

– Не по себе сук рубишь.

– Мы любим друг друга, – возражал я.

– Любовь проходит. Остается быт. Тебе по гарнизонам мотаться, а она привыкла к комфорту.

– Отвыкнет, мамуля...

Нам с Диной повезло не только с погодой. Занятия в институте у нее начинались с октября, когда студенческие отряды вернутся со своих полей и строек. Так что на время моего отпуска она была свободна.

Встречал я Дину обычно в скверике на улице Ленина. Она сама так решила. В укромном месте там стояла скамейка на металлических ножках с деревянной спинкой. На ней я вырезал перочинным ножом «Не уходи».

В одну из первых встреч я позвал ее в гости к мамане.

– Не надо, Лёня, – отказалась она. – Твоей маме не нравится, что мы дружим.

– А твоей?

– Моей – тоже.

Мне стало ясно, что на их дачу, где речка Дёма и ромашки на берегу, мы не попадем. Хотя я и грезил об этом в училище. Впрочем, с Диной мне везде было хорошо.

И все же на речку Дёму мы выбрались.

Однажды Дина сказала мне:

– Дамирке на день рождения подарили две удочки и палатку. Теперь у него в голове не уроки, а рыбалка.

– Вот и будет рыбачить возле вашей дачи.

– Папу вчера в Москву вызвали на две недели на какие-то курсы. На дачу без него мама не ездит.

Я задумался. И вдруг меня осенила идея.

– Дамир в первую смену учится?

– Да.

– У тебя есть знакомая замужняя подруга?

– Есть. Зачем тебе?

– Скажешь матери, что они едут в субботу с ночевкой на рыбалку и приглашают тебя с братишкой. А поедем мы втроем.

– Как ты себе это представляешь?

– В два часа дня к вашему подъезду подъедет машина, чтобы загрузить вещи.

– Мама же узнает тебя!

– В машине будет Сергей Грудинин. Ты видела его, когда провожала меня.

– Ох, Лёничка... Ну, да ладно.

Серегу я нашел у Лидухи. Подсказал его флотский дядя, который заведовал гаражом поблизости от дома. Я рассказал Сереге про свою задумку. Он охотно и даже с азартом согласился участвовать в нашем заговоре. И мы потопали к мамане.

За столом с домашней наливкой Серега сказал ей, что умыкает меня на рыбалку с ночевкой.

– Правильно, – поддержала его маманя, – Пусть отдохнет от своей зазнобы.

Дядя выделил в распоряжение любимого племянника старенький газик, и в субботу мы поехали к дому правительства. Серега спросил:

- Деньги-то у тебя есть?
- Семь рублей от отпускных осталось.
- Маловато для кавалера. Возьми вот червонец. Отдашь в училище.

У ворот я вылез из машины, а Серега прошел в будку стража ворот. Дина должна была сообщить его фамилию. Шлагбаум поднялся, и через минуту газик въехал во двор.

Сквозь решетку мне было видно, как Дина вышла из подъезда и увела с собой Серегу. Вскоре он спустился с рюкзаком, палаткой и объемной сумкой. Минут пять спустя, из подъезда выскочил мальчишка лет тринадцати – четырнадцати с удочками и кошелкой. Я понял, братишка. Следом, в сопровождении матери, появилась Дина еще с одной сумкой через плечо. Она и Дамир загрузились в машину. Мать помахала ладонью и скрылась в подъезде.

За оградой я присоединился к заговорщикам. Протянул Дамиру руку.

- Давай знакомиться, я – Лёня.

Он оглядел меня.

- Это ты Динин ухажер?

– Я.

- Нормально. Я Дамир.

- Червей накопал?

- А как же!

Сергей отвез нас на вокзал, помог загрузиться в электричку. На прощанье сказал:

- После станции Юматово сходите на первой остановке. Там речку из окошка видно...

На остановке я нагрузился, как мул. Благо, идти было недалеко, метров четырехста. Дёма здесь была спокойная и, похоже, глубокая. Ни перекатов, ни отмелей. Крутила небольшие воронки между заросшими подлеском берегами и скрывалась за поворотом. Мы нашли между кустами широкий прогал и остановились. Дамир сразу же занялся удочками.

- Сумеешь сам удочки настроить? – спросил я его.
- Сумею. Меня дядя Коля научил.
- Коля – муж моей старшей сестры Нины, – объяснила Дина.
- Ты никогда о ней не вспоминала.
- Они живут отдельно от нас.

Я достал из своего вещмешка куртку, в которой когда-то ходил на каток. Расстелил на земле и усадил на нее Дину. А сам стал разбирать палатку.

Если бы не армия, я вряд ли бы ее поставил. На полевых занятиях и в летних лагерях мы множество раз ставили и снимали взводные палатки. Потому я без труда понял, что нужны два стояка внутри палатки – в изголовье и у входа, и четыре рогули для растяжек. Кольшки были в комплекте.

Топора, конечно, у меня не было. Пришлось вырезать палки ножом. Палатка значилась двухместной. Но в ней вполне могли разместиться трое, а если потесниться, то и четверо.

Дина, заглянув в палатку, восхитилась:

- Номер люкс! Дамир! – позвала. – Иди, посмотри.
- Не могу, у меня клюёт.
- Я бездельница, да? – спросила Дина.
- Нет. Разбирай вещи и стели в палатке для ночлега. Я – дрова собирать.

Дождей давно не было, сушняк хватало. Но мелочевка прогорит, оглянуться не успеешь. Я шарил по берегу, пока не наткнулся метрах в ста от нашей стоянки на летний рыбацкий бивак. Оборудован он был весьма добротно. Просторный шалаш укрыт брезентом. У вкопанного столика стояли четыре березовых чурбака для сидений. Видимо, рыбацкая компания проводила здесь свой отпуск. Тут бы нам и затабориться. Но поезд уже ушел.

Я перекатил чурбаки к нашему табору. Уже за вечерело. Дина вылезла из палатки.

– Устал? – спросила.

– Нет, – обнял я ее.

Я разжег костер. Когда сушняк прогорел, катнул на уголья два чурбака, сверху набросал хвороста. Он почти сразу запылал. А с ним огонь охватил и березовые кругляки. Мы с Диной уселись на чурбаках. Мир отодвинулся от нас. Только речка, лес, костер и еще живая тишина. Было слышно, как на середине реки плюхает крупная рыба, как потрескивают в костре дрова. За рекой закуковала кукушка. Прогудела электричка и стихла.

Дамир продолжал рыбачить.

– Дин, а почему твоя сестра с мужем отдельно живут? – спросил я.

– Сложный вопрос, Лёня.

– Объясни.

– Родители не хотели, чтобы Нина выходила замуж за русского. Тогда еще был жив дедушка. Он был против, говорил, кровь у детей должна быть чистой. Нина сбежала из дома и поселилась у Коли.

– А сейчас как?

– Смирились родители. Папа даже пригласил их жить к нам. Они отказались. В гости приезжают. И на даче несколько раз с дочкой были. Тогда он и брал Дамира на рыбалку.

– Дина, я ведь тоже русский.

– Ну, и что? Если понадобится, тоже убегу к тебе.

– Через два года?

– Нет, когда институт кончу.

Между тем стемнело. Дамир еле просматривался. Наконец, он, подсвечивая себе фонариком, поднялся к нам.

– Есть хочу, – заявил.

Я достал из своей авоськи буханку хлеба, кругляш чайной колбасы и бутылку лимонада. Дина вытащила из палатки сумку. Достала пеструю скатерть, расстелила ее подле костра, стала собирать ужин.

– А рыба где? – спросил я Дамира.

– В садке.

– Много поймал?

– Шесть окуней. Утром еще поймаю.

– Садок тоже дядя Коля подарил?

– Ага. И фонарик...

Я подбросил в костер хворосту, чтобы светлее было.

Дина разложила на скатерть бутерброды с копченой колбасой, сыром и шоколадным маслом. В сумке у неё оказались три бокала для чая, обо мне, значит, тоже подумала. Чай она наливала из разноцветного термоса. Дамир от чая отказался. Ухватил бутылку с лимонадом и запивал бутерброды прямо из горлышка. Затем поднялся и объявил:

– Наелся. Спать пойду.

– В палатке у входа твой комбинезон, – сказала Дина. – Надевай и ложись.

Он скрылся в палатке. Освободившийся чурбак я катнул в костер. Нам с Диной хватило и одного. Она сидела у меня на коленях и заворожено глядела на языки пламени.

– Лёнь, а где ты собираешься служить после училища? – вдруг спросила Дина.

– На Дальнем востоке.

– Почему так далеко?

– Там тайга и сопки. И синие зайцы в сопках.

– Бред. Я видела синих кур. А зайцев твой Сергей выдумал.

– Дин, давай после училища поженимся?

– Мне же надо окончить институт.

– Можно учиться заочно.

– Нет-нет, Леня. Сначала сам посмотри. И сопки, и тайгу. И даже синих зайцев. А там разберемся...

Мы еще долго сидели у костра. И лишь когда он стал затухать, Дина сказала:

– Пойдем в палатку.

Дамир спал, свернувшись калачиком, у самой стенки. Дина укрыла его ватным одеялом. Мы легли с другого края и прижались друг к другу. Нам не было холодно. Уснуть долго не могли, изнемогали от близости. Она шепнула:

– Так нельзя, – и уползла к братишке...

С рассветом я разбудил Дамира. Он спустился к удочкам. Дина безмятежно спала. Мне спать не хотелось. Я сидел на чурбаке и наблюдал за рыбачком. Солнце светило со спины, освещало заводь, и мне хорошо были видны красные головки двух поплавков и жёлтые листья на воде. Утро было прозрачным, словно перенеслось на берег Дёмы из романа Вадима Козина...

Клева не было. Дамир сначала стоял, пригнувшись, в готовности схватить удище. Затем встал. Сел на траву. Прошло минут десять. Вдруг он подхватил удище и вскочил на ноги. Удилищный концевик изогнулся, а у кромки камышей забурилась вода.

Я бросился на помощь. Сиганул в воду в штанах и тапочках.

Хорошо, что глубина у берега была чуть выше колен. Дамир тянул рыбину, а я пытался ухватить ее руками. Она ускользала, но все же мне удалось зацепить ее. Выкинул рыбину наверх. И выбрался из воды сам.

– Если бы не ты, сорвалась бы, – сказал Дамир, ухватив добычу. – Крючок-то на удочке. Горбач взял.

– Это же окунь.

– Крупных окуней горбачами называют, – со знанием дела объяснил он. – У них на спине горб, – и опустил добычу в садок.

Мне ничего не оставалось, как разжечь костер и подсушиться. Разулся. Тапочки повесил на растяжные рогули, носки – на палаточные шнуры. Запалил сушняк. Снял свои спортивные штаны, отжал штанины, снова надел. Высохнут у костра и на солнце.

Дина появилась из палатки в одиннадцатом часу. Подошла ко мне.

– Ты чего босиком?

– Прыгал в речку за рыбой, Дамиру помогал.

– Поймали?

– Конечно.

– Не завтракали?

– Тебя ждали.

– Дамир! – позвала она. – Через пять минут кушать.

Завтракать нам пришлось вдвоем. Дамир поднялся наверх, схватил два бутерброда и был таков.

– Я обещала маме быть дома в четыре часа, – вздохнув, сказала она.

– Поедем двухчасовой электричкой. Как раз успеете.

– Ты нас до дома не провожай. Мы с вокзала на такси уедем.

– Дамир дома не проговорится?

– Нет. Он кремень, хотя и папин любимчик. Да и понравился ты ему...

В час мы начали собираться. Дамир с явной неохотой сматывал удочки. Садок с рыбой убирать не стал, так в руках и нес к электричке. А кто бы из мальчишек не выставил напоказ такой солидный улов! Даже пассажиры в поезде расспрашивали его, сам ли он поймал рыбу, на какую наживку и в каком месте Дёмы...

На вокзале я загрузил вещи в такси. Дина сказала:

– Встретимся завтра в четыре.

Я поцеловал её в носик. Дамир с чувством потряс мне руку. Они укатили. Я поехал к мамане на автобусе...

Оставшиеся отпускные дни пролетели для меня, словно снаряд, запущенный в никуда. Мы с Диной бродили по городу. О чем-то разговаривали, даже спорили. Я строил воздушные замки. Она улыбалась и несогласно качала головой.

Первого октября у нее и у мамани начались занятия. Я уезжал в училище третьего числа. Получилось так, что проводить меня они не смогли. Возможно, и к лучшему, встретятся, когда мы станем мужем и женой.

Люди в погонах передвигаются по стране бесплатно. Билет в плацкартный вагон я взял в кассе для военнослужащих по воинскому требованию. И вышел на перрон, куда должны подать поезд Уфа – Чкалов. Там и обнаружил Серегу Грудина и Даньку Бикбаева.

– Лидуха провожать навяливалась, – сказал Серега. – Еле отбрил ее.

Данька взглянул на него осуждающе. Понятно, имел в виду Ольгу.

В этот момент я увидел Дамира. Он проталкивался сквозь перронную толпу и явно высматривал меня. Я поспешил ему навстречу.

– Тебе военная форма идет, – сказал он.

– Проводить меня приехал?

– Ага. И вот, записка. Дина передала. Потом прочитаешь.

– Спасибо.

Он достал из кармана блокнот и карандаш.

– Продиктуй мне свой адрес.

Я продиктовал. Спросил:

– Письма писать будешь?

– Нет, на всякий случай.

К перрону подполз пассажирский состав.

– До свидания, Лёня, – попрощался Дамир.

Записку от Дины я прочитал, когда поезд тронулся. «Люблю. Буду ждать»...

Выпускники

В училище нас ждала ошеломляющая новость – мы стали выпускниками, чему радовались, как подарку судьбы. Поступали в трехгодичное училище, но кто-то из начальства в высоком штабе решил, что три года слишком жирно для среднего образования, хватит и двух. В общем, как нам виделось, правильно решил. Так что в один год из училища выпускались и бывшие второкурсники, и мы.

Программу обучения уплотнили, выходные дни нередко становились рабочими, даже урезали в расписании дня личное время.

Нововведение отразилось и на увольнениях в город. Их сократили до двух раз в месяц, вместо еженедельных. Мы с Данькой отнеслись к этому с полнейшим равнодушием, а Серега психовал. Его ждала в детском саду Ольга, бегать же к ней ночью в самоволку он теперь не мог. Новая должность не позволяла. Он стал командиром нашего расчета и одновременно заместителем командира взвода. Прежнего взводного старшего лейтенанта Воробьева перевели в окружную спортивную роту, а вместо него назначили бывшего старшину батареи лейтенанта Кузнецкого.

Сюрприз, конечно, для нас с Данькой неожиданный, и, понятно, не из приятных. Но и мы уже не салаги, службу усвоили и знали, как постоять за себя.

Однажды Кузнецкий построил взвод в личное время и стал проверять прикроватные тумбочки. Мы переминались с ноги на ногу и ждали результатов. Он закончил осмотр. Вызвал:

– Бикбаев!

– Я.

– Почему у тебя в тумбочке грязные носки?

– Виноват. Постираю.

– Не видать тебе увольнения, как бомжу маникюра. Понял?

– Прошу обращаться на вы, товарищ лейтенант. Как капитан Луц.

Кузнецкий побагровел, но смолчал. Даньку он больше не доставал...

Что такое год?.. В напряге занятий и полигонных учений он пролетел, как зенитный снаряд, пущенный по конусу-мишени. Конус – это большой рукав, наполненный воздухом и буксируемый самолетом на длинном тросе. Наблюдатель из полигонной команды засекает в конусном радиусе разрывы, и зенитчики получают оценки. Исключительным проявлением мастерства было сбить конус.

Один раз нашему расчету это удалось. Это произошло холодным январским утром. Мы с Бикбаевым работали за наводчиков: он – по вертикали, я – по горизонтали. И когда рукав, вдруг усохнув после наших выстрелов, стал падать, все замерли, а, уверовав в такое везение, взорвались упоенным «Ура-а!». Конус, похожий на оторвавшийся кусочек белого облака, медленно кружил в воздухе.

Наводчиков, то есть нас с Данькой, качали всем взводом. Перед моими глазами мелькали тогда небо, пушки и лицо капитана Луца, с улыбкой глядевшего на ликующих подчиненных. Прямое попадание – это не фунт изюма. Это финал стрельб – нет больше мишени, и стрелять не по чему! Это пятерка всей батарее и досрочная дорога на зимние квартиры...

Затем комбат торжественно пожал руки всему расчету во главе с Сергеем Грудининым и велел старшине оставшийся запас тушенки пустить на последний полевой обед.

Старшиной батареи вместо Кузнецкого стал в то время сержант Ли из бывших второкурсников, молчаливый и уважительный кореец.

Что до лейтенанта Кузнецкого, то зимой, в полевых условиях, он заметно скисал. Свою шапку-ушанку всегда завязывал под подбородком. И старался держаться ближе к походной

кухне, где тепло и сытно. Летом по ходатайству командира батареи, получившего к тому времени майорскую звезду, Кузнецкого перевели в училищную тыловую команду...

Дни и недели бежали по расписанию. И мы жили по расписанию занятий. Но дырки для личной жизни в нем были. Серега бегал в увольнение. Данька наверстывал то, что не додала ему сельская школа. Я писал мамане и Дине письма. И еще сочинял стихи. Много позже понял, что стихи получались слабые, подражательные, но тогда они казались мне почти шедевром. Дина на мои письма отвечала аккуратно. Главное, что я из них выуживал, она меня ждет.

В августе выпускников ждали заключительные экзамены. Те, кто окончат училище по первому разряду, то есть сдадут экзамены на пятерки, имеют право выбрать округ, где начнут свою офицерскую службу. Остальные – куда направят. Нас троих распределение по округам не беспокоило. Еще на первом курсе мы решили отправиться на Дальний восток. Желющие поехать туда вряд ли, кроме нас, найдутся.

Экзамены принимала московская комиссия. Наверно, учебный главкомат проверял, как выпускники усвоили уплотненную программу.

Мы с Сергеем сдали экзамены по первому разряду. Даня получил по русскому языку тройку. Как будто грамматические ошибки могут помешать отлично стрелять.

Нам уже выдали офицерскую форму, и мы, протянув под курсантский погон португую и смачно поскрипывая хромачами, заполонили город и взбаламутили карауливших женихов девчат. Однако до золотых погон было еще далеко. Приказ о производстве в офицеры будет подписан лишь через месяц.

Серега сказал:

– Зато этот месяц мы свободны, как сопля в полете.

В виду он имел увольнения в город, которыми нас теперь не ограничивали.

Даньку в город не тянуло. Он оставался в училище. Сидел в библиотеке и штудировал литературу по радиолокационным станциям и приборам управления огнем.

Я же составлял компанию Серёге.

Внизу дремал маловодный Урал. Луна перебросила через него узкий светящийся мостик, и он пришелся как раз в рыбацью лодку, заякоренную на середине реки. Мы сидели на поваленном дереве: Сергей с Ольгой и я. Пили из общего стакана портвейн и ели Ольгины пирожки.

– Эх, Антилопа, ты даже не знаешь, где живут синие зайцы? – Сергей называл ее Антилопой, и ей, похоже, это нравилось.

– Вот наденем погоны, – продолжил он, – и мы с Ленчиком (со мной, значит) поедem туда. Там тайга и сопки. И синие зайцы.

Ей плевать на зайцев, но поехать с Серегой она бы не отказалась. На край света рванула бы. Но он не торопился приглашать ее с собой. Я же мысленно говорил ей: «Дура глазастая! Не разглядела Даньку! Про синих зайцев он, конечно, не может, зато увез бы тебя туда, где они водятся».

У Серёги увольнение было до утра. Я знал, что ночь они проведут в кустах, из Ольгиной сумки призывно выглядывали одеяло и еще одна бутылка портвейна. Кайф с ночёвкой в детсаду для них внезапно кончился. Садик расширили, добавили ясельную группу. Назначили новую заведующую с высшим образованием, а Ольгу оставили ее заместительшей...

Я был третьим лишним. Мне пора было сматываться, что я и сделал.

Роща выглядела не из мира сего. Лунный свет просеивался сквозь тонкие березовые стволы и начавшие облетать вершины. Белые стволы отливали желтизной. Даже траву будто припудрило бронзой. Это была наша последняя училищная осень.

Я шел и вспоминал другой сентябрь. Свой первый отпускной сентябрь, в котором были Дина, ее братишка и я. И еще костер, речка и чуткая тишина.

Да, думал я, шагая по бронзовой роще, два года могут столько наворотить, что мало не покажется. Вон как мы все изменились, и я в том числе. После того, как я смазал Сереге по губам, как-то враз почувствовал себя уверенней. Хотя и потрепал мне тогда нервы Кузнецкий. Ради кулаков мы с Данькой даже записались в секцию бокса, и тренер нашел, что в мухачи я вполне гожусь. В мухачи мне ни к чему. Важнее было, чтобы я мог дать сдачи кому угодно. Дину, например, защитить от хулиганов...

Я шагал меж белых стволов. Хрустели под ногами опавшие листья. Воображение рисовало сумрачную речку Дёму, костер на берегу. Дамир спал в палатке. Мы сидели вдвоём на чурбаке. Кукушка за рекой ворожила нам долгую жизнь. Дина сказала:

– Нет-нет, Леня. Сначала сам посмотри. И сопки, и тайгу. И даже синих зайцев...

Я любил смотреть на освещенные окна. Они хранили людские тайны, и тени на занавесках воспринимались как бесплотные духи тысячи и одной ночи. Одно далекое окно на втором этаже было для меня окном надежды. Из него на огороженный широкий двор пробивался зеленоватый свет. Иногда на подоконнике появлялась цветочная ваза. Значит, она заметила меня и скоро появится из подъезда...

Я лежу на своей солдатской кровати и не сплю. Данька уже видит десятый сон. Наши кровати стоят вплотную, и головы покоятся на подушках в метре друг от друга. Я тоже стараюсь заснуть, но мешает окно моей надежды.

И еще я представляю огромное окно служебного кабинета, в котором лежат наши личные дела. Мы ждем приказа министра обороны о производстве в лейтенанты. Только денег у нас пока еще нет. И золотистых погон с двумя маленькими звездочками тоже нет. Их вручат нам после подписания приказа...

Долгожданный день наступил в первую пятницу октября. Выпускников собрали в клубном зале. В президиуме на сцене наш начальник училища с золотой звездой и укороченной ногой.

И мы, наутюженные, надраенные и готовые к бою. В зале уже нет курсантов. Здесь все офицеры. Идет распределение выпускников по военным округам.

Фамилии перворазрядников зачитывает майор, начальник отдела кадров.

– Андреев!

– Прикарпатский.

– Алиев!

– Северокавказский...

Мы с Серегой тоже можем выбрать округ.

Данька недотянул до первого разряда. Но все равно мы трое решили ехать на Дальний восток, туда уж точно места останутся.

– Ты слышишь, народ Прикарпатский выбирает, – говорит Сергей и поворачивается ко мне всем корпусом.

Я машинально киваю головой.

– Вот она синяя птица, – шепчет Сергей. – Слышишь, Ленька, где живут синие птицы?

– Зайцы, – поправляю я.

– Зайцев я придумал, чтобы не повторяться. Про синюю птицу даже песня есть... Давай махнем в Прикарпатье, а, Леня?

– Ты что? Ведь мы уже решили в Дальневосточный округ! Нас же трое!

Взгляд у него беспокойный, как тогда, в грязном поле при свете фары.

– Пока молодые и не обабились, хоть страну поглядим, Леня! Больше права выбора никогда не будет.

Меня заворожили слова: право выбора. Падает сверху, бьет сбоку, сзади: «Прикарпатский, Московский, Киевский...». Даня, ткни меня, чтобы я очухался! Уже вызывают лейтенантов-перворазрядников на букву «Д». Сейчас выкликнут меня.

– Дегтярев!

– Прикарпатский, – шепчет Серега.

И я, как попка, повторяю:

– Прикарпатский.

Я сижу оглушенный нелепостью, которую совершил сам. В голове цветной калейдоскоп. Речка Дёма, Дамир с удилищем и выброшенная мной на берег рыбина, лишенная речного простора. Я чувствовал себя такой рыбой.

Еще можно крикнуть, что ошибся, и переиграть, как договаривались. Пока еще нас трое. Но рыбы немые. И я немой.

– Молоток, Ленчик! – говорит Сергей. – Синие зайцы от нас не уйдут.

Даня опустил лобастую голову.

...Оглядываюсь сегодня на того лейтенанта и понимаю, что он просто-напросто пацан. Только этого не видно за золотыми погонами. Тот пацан думал, что он мужчина, а был цыпленком. Я не смел даже взглянуть на Даню, чувствовал себя предателем.

– Понимаешь, Даня..., – мямлю я.

– Все правильно, Леня. У тебя же первый разряд.

Ох, эти Данькины глаза! Коричневые и грустные, как у кутёнка!..

Он уехал на Дальний Восток...

Сотни клавиш у памяти. А нажимаешь одни и те же, чтобы вернуться в пункт отправления.

... – Ты помнишь наши марш-броски? – спросил меня Даня шесть лет спустя.

– Помню.

– Хорошее было время.

Он очень изменился за эти годы. То ли вытянулся, то ли современная прическа подправила его облик, но прежняя несимметричность исчезла. Я приехал к нему на Дальний Восток во время отпуска, и мы трое суток прожили в тайге на берегу реки. Один берег у нее был скалистый и весь седой. Словно годы не обошли своей метой даже камень.

– Хорошее было время, – повторил он.

Мы всегда говорим: «Вот раньше...» Всегда торопимся в завтра, упуская, что обычный сегодняшний день станет золотым вчерашним. Вот и тогда сидели у костра и не подозревали, что скоро эти минуты покажутся счастливым сном...

Шарик земной крутится, вертится. Вчерашний день не вернуть, как не вернуть из прошлого самого себя...

Когда наступает вечер, синий, как воды в горном озере, когда звезды становятся похожими на спелые яблоки, в память невольно вползает далекий город и девчонка, шагающая по лужам. Идет она, спеленатая мокрым платьем, одна посреди улицы, и улыбается сама себе. А на автобусной остановке стою я. И глаз не могу отвести от выросшего из дождя чуда. День скатывается в сумерки. День опять что-то уносит.

Минуты уходят, как уходит все, кроме памяти. Я вижу длинный, как коридор, школьный зал, серьезную старшеклассницу в очках по имени Дина и слышу умоляющий голос Вадима Козина: «Не уходи!»...

Это она пришла в мою жизнь из школьного зала. Пришла за много лет до того, как из весеннего дождя выросла девчонка, спеленатая мокрым платьем...

Годы 1955—1956.

Украина

Лейтенанты

Штаб Прикарпатского военного округа находился во Львове, куда мы с Сергеем и прибыли. Город нам показался необычным, особенно островерхие крыши зданий. Люди на улицах одеты модно. А девицы – одна краше другой.

– Если во Львове служить оставят, – сказал Серега, – выберу кралю с хатой.

Однако свободных должностей в городах Прикарпатья для лейтенантов с Урала не нашлось. В управлении кадров нам выдали предписание убыть до станции Лугины Житомирской области.

Однако полк дислоцировался не в Лугинах, а в нескольких километрах от станции, недалеко от деревни Лугинки. Прямо за околицей начиналось поле, затем бугор и опять поле. И уж потом глазу открывалось двухэтажное здание – штаб полка. Поодаль от него параллельными рядами стояли приземистые казармы в стиле барака. Серегины и мои подчиненные располагались в разных казармах.

Меня распределили в батарею управления и назначили начальником станции кругового обзора. Я называл ее ласково «Мостушкой». Было у нее похожее условное наименование: «МОСТ-2». Предназначалась она для ведения воздушной разведки и целеуказания.

В кабине станции были установлены индикатор кругового обзора и индикатор для определения угла места цели. Они давали возможность отследить самолет противника на расстоянии 140 километров. Мелочь, конечно, по сравнению с нынешними локаторами. Но ведь и скорости были иными. Мостушки давно устарели, их заменили локационные станции новой и новейшей конструкции. Чужой летательный объект они могли зафиксировать на экранах не за сотни, а за тысячи километров. Но тогда наша Мостушка считалась вполне на уровне.

Расчет станции был подразделением взвода разведки. Раньше взводом командовал старший лейтенант из фронтовиков. Месяц назад он уволился в запас, а нового не прислали. Временно исполнять его обязанности приказали мне, потому что по штатному расписанию командовать взводом должен офицер. Впрочем, реальной нужды в этом не было. С взводом успешно справлялся сверхсрочник из фронтовиков старший сержант Заречный.

Мне хватало забот и со станцией кругового обзора.

«Мостушка» представляла собой зеленую коробку на колесах с выброшенной вверх ромбовидной антенной. Если на позицию шел самолет противника, на экранах появлялась отметка от цели. Оператор считывал ее дальность и азимут и передавал на станции орудийной наводки. Конечно, цель надо было сначала поймать. А уж это целиком зависело от расчета, то есть от нас.

Так я и сказал при знакомстве подчиненными, выстроившимися возле станции. Речь свою я приготовил заранее, и получилось как будто неплохо. Потому, высказавшись, стал всматриваться в лица. Хотел определить, какое впечатление произвело мое ораторство.

Ничего не определил. Лица как лица, глаза как глаза.

На правом фланге сержант Марченко, сутуловатый и длинноногий. На левом – щупленький, белобрысый, с морщинками на лбу солдатик. Что-то в нем мне не понравилось. Вроде бы и ремень затянут, как положено, подворотничок чистый, пилотка на месте...

Снова вернулся взглядом к Марченко. Спросил:

– Вопросы есть?

– Так точно, – сразу же откликнулся белобрысый левофланговый.

- Представьтесь, как положено по уставу, – потребовал я.
- Рядовой Гапоненко, оператор станции кругового обзора.
- Слушаю вас.
- Разрешите узнать, вы женаты?

Я мог ожидать любого вопроса, только не этого. Вместо того, чтобы внушительно ответить: «К службе это не относится», я буркнул:

- Никак нет.

И сразу же понял, чем этот Гапоненко мне не понравился: нахалинкой. Она сквозила во всем его облике: как стоял, как смотрел, как держал руки...

После знакомства мы прошли в кабину станции. Я включил питание, щелкнул тумблером, сделал все, что полагалось по инструкции. Но на экране вместо знакомой развертки закаруселила выюга.

- Так-с, – сказал я, – посмотрим, в чем тут загвоздка.

Открыл один блок, второй, третий. Пробормотал: «Н-да, дело нешуточное». Достал схемы, разложил на полу станции и вслух стал рассуждать, куда и откуда поступает сигнал от имитатора цели. Гапоненко сочувственно поддакивал. А незадолго до обеда произнес с ошутимой ехидцей:

- Разрешите, я посмотрю?
 - Попробуйте, – великодушно разрешил я.
- Он выдвинул один из блоков, ткнул отверткой туда-сюда.
- Можно включать, товарищ лейтенант.

Скорее механически я защелкал тумблерами, нисколько не веря, что неисправность устранена. Однако по круглому индикатору побежал тонкий лучик, высвечивая воздушную обстановку.

Станция работала нормально.

Хорошо, что в кабине было темно, и никто не видел мою растерянность.

Не сразу я узнал, что он заранее подстроил неисправность, чтобы проверить салагу-лейтенанта. В училище нас с этим типом станций лишь ознакомили. Даня Бикбаев сам вызубрил всю теорию по «Мостушкам». Я же предпочел увольнения в город. Теперь пришлось доучиваться.

Целыми сутками я торчал в кабине, уткнувшись в схемы и переплетения проводов. Обратиться бы за помощью к тому же Гапоненко – он не просто знал станцию, а был с ней чуть ли не в любовных отношениях. Но я сухо попросил его не вмешиваться, когда он однажды сам попытался что-то мне подсказать. Впрочем, произошло это не только из-за моего самолюбия.

Наши отношения к тому времени успели настолько осложниться, что я просто не мог принять его снисходительную помощь.

Через неделю после нашего первого общения он подошел ко мне, доложил по форме и объявил, что собирается жениться. Как поступать в таких случаях, я понятия не имел. Потому торжественно произнес:

- Желаю вам счастья!
- Мне бы сначала увольнительную, – скромно улыбнулся Гапоненко.
- Да-да, – сказал я и сунул руку в карман.

Командир батареи дал мне два бланка увольнительных записок, которые я мог использовать в особых случаях. Вот и появился особый случай.

– В общем-то, я еще не в загс, – сказал Гапоненко. – Пока родителям ее представить. Они специально для этого приехали.

- До отбоя хватит? – спросил я.
- Так точно...

Когда прошла вечерняя поверка, и до отбоя оставалось пятнадцать минут, старшина-сверхсрочник из фронтовиков спросил меня:

– У вас Гапоненко не жениться отпрашивался?

– Жениться. А что?

– Готовьтесь к ОВ, товарищ лейтенант, – сочувственно произнес он, имея в виду «очередной втык».

– За что ОВ? – спросил я

– Прошлый раз он тоже наврал про женитьбу и про тетку невесты из Чернигова.

У старшины было четыре класса образования, четыре фронтовых ордена и четверо детей. Он любил непонятные умные слова и частенько вставлял их в разговор невпопад. Звали его Павел Павлович. Офицеры и комбат обращались к нему по отчеству – Палыч. Солдаты между собой тоже называли его Палычем. И частенько цитировали его крылатые выражения: «Грязный подворотничок – это источник заразы и венерических болезней», «Эти тумбочки и кровати, и еще перловую кашу вам придется любить три года».

На солдат Палыч никогда не орал. Провинившихся не распекал, а поучал. Да и лейтенантов мог подправить советом. Если бы такие старшины-сверхсрочники сохранились до наших дней, не было бы в армии ни дедовщины, ни плутовской демократии, что расплодились позже.

– Что же делать? – спросил я старшину.

– Ждать. Авось явится вовремя. Из беспризорников Гапоненко – скидку на это надо. Не дай Бог, подполковник Хаченков узнает, тогда и вам, и мне взыскание.

Хаченков был командиром полка. Мы называли его между собой Хач. Я спросил:

– Давно он полком командует?

– Второй год. После академии назначили. Пороха на фронте не нюхал, вот и не знает, как к подчиненным относиться.

Я пригорюнился, не зная, как поступить.

– Не вешай нос, лейтенант! Если твой солдатик не явится, экстрого доложи комбату, – все-таки ввернул словечко старшина. – Он мужик тертый, скажет, что делать.

Трубочка сыграл «отбой», а моего подчиненного все не было. И я о его отсутствии доложил комбату. Гапоненко опоздал на полчаса. Командир батареи управления капитан Шаттар Асадуллин прибыл разбираться самолично.

Пожалуй, с комбатом мне повезло. Мало того, что по пустякам не придирался, так еще и земляком оказался: тоже из Башкирии. Он успел захватить войну, получить медаль «За отвагу». Отличившегося в боях сержанта послали на краткосрочные офицерские курсы. Через три месяца сержант стал лейтенантом. До вывода войск служил в Австрии. Я попал под его начало, когда он был в звании капитана.

По-житейски мудрым был наш комбат. Подчиненных в обиду не давал. Сам казнил и миловал. Втык от него я, понятно, схлопотал. Устный и частный. Докладывать начальству о ЧП он не стал, и нам велел молчать в тряпочку.

Жили мы с Серегой на частной квартире у колхозного конюха тети Маруси. Сельчане относились к нам прекрасно. Они еще помнили войну и оккупацию.

Разве могли мы тогда предположить (а кто бы мог?), что через тридцать пять лет Украина станет самостийной, и это приведет страну к гражданской войне? Украинцы станут убивать друг друга. Возродится бандеровщина, а бывших карателей, воевавших на стороне Гитлера, киевская власть объявит национальными героями. А москаля, то бишь такие, как мы, станут главными врагами Киева...

Со службы мы приходили поздно. Тетя Маруся доставала из подпола бутылку вонючего чемергеса из бураков, ставила на стол чугунок с картошкой в мундире и миску с солеными

огурцами. Мы принимали на грудь по неполному стакану, заедали хозяйским угощением. Я садился готовиться к завтрашним занятиям. Серега продолжал начемергесиваться.

Занятия он ухитрялся проводить и без предварительной подготовки. Прилично выпив, он изрек однажды:

– Дурака мы сваяли, Лёнька. Изменили синим зайцам! Там, понимаешь, хоть тайга и сопки. А тут голый чернозем.

«Чернозем» прозвучало у него как ругательство.

В свой лейтенантский отпуск я тоже сказал Дине, что ошибся, выбрав Прикарпатье. Надо было ехать с Данькой на Дальний восток.

– Вовсе не ошибся, – возразила она. – И близко, и тепло.

Моросил мелкий дождь. Мы сидели, укрывшись моей плащ-накидкой, на скамейке, на спинке которой я вырезал «Не уходи».

– Все равно три года ждать, пока ты институт кончишь, – через паузу произнес я.

– Зато я смогу приезжать к тебе на летние каникулы.

– Приедешь? – обрадовался я.

– Приеду.

Ее родители, все же смирились с тем, что я есть. Даже брали меня на дачу. А куда им деваться? Дочь все равно поступит по-своему. Хорошо хоть, что согласилась отложить замужество до окончания вуза.

Маманя тоже согласилась с моей будущей женитьбой. Только сказала:

– За три года много воды утечет...

За трое суток до конца отпуска мы с Диной оказались в дачной комнате совсем одни. Как она сумела уговорить мать, мне неизвестно. Наверно, Дамир помог.

Факт остается фактом, субботним вечером мы вдвоем прикатили автобусом на дачу. Дождя в тот день не было. За горизонт уползало тусклое солнце.

Дамир затопил печь, хотя термометр в столовой показывал плюс пятнадцать. Каминов на дачах тогда не заводили. Они вошли в моду позже, когда началось расслоение общества на богатых и бедных...

После ужина Дамир попросил меня разбудить его с рассветом и скрылся в своей комнате, чтобы подготовиться к рыбалке. Мы с Диной вышли на крыльцо. На улице уже стемнело. И впервые после дождей на небе появились крохотные звездочки и размытая кособокая луна. Затем вспыхнул фонарь на столбе.

– Идем спать, – сказала Дина.

Свет в ее спальне мы включать не стали. Сквозь тюлевые занавеси на окнах просачивался отсвет горевшего во дворе фонаря. Разделись до белья и улеглись на простыни. На белой подушке ее лицо в обрамлении темных волос выглядело загадочным, как у Моны Лизы.

– Ты ведь можешь потерпеть? – шепотом спросила она.

– А ты? – тоже шепотом произнес я.

– Побереги меня, Лёня. Для себя побереги.

Мы не спали всю ночь. Лежали, тесно прижавшись друг к дружке. Мучились и истязали себя, испытывая желание полной близости. Ну, не глупцы ли?..

Ранним утром я разбудил Дамира. Он убежал на речку. Через пару часов мы тоже вылезли на свет божий. Скоро должны были приехать родители, и нельзя, чтобы они застали нас в постели. Когда мы брели вдоль речки в поисках Дамира, Дина задумчиво произнесла:

– Глупые мы оба.

– Да.

– Можно ведь предохраняться, чтобы не забеременеть.

Я остановил ее, повернул к себе.

– Ты точно приедешь ко мне следующим летом?

– Приеду.

Я уехал из отпуска с надеждой на ее будущие каникулы...

Жизнь в полку катилась своим чередом. Была суббота, когда в полночь за мной при-
мчался посыльный. Я вернулся со службы всего-то час назад, все старался подружиться
с «Мостушкой». А тут – нате! – посыльный. Меня вызывают, а Сергея – нет! Он успокоил:

– ОВ тебе светит, Ленка.

Едва я проскочил КПП, как наткнулся на старшину.

– Хаченков в штабе, – сообщил он.

Командир полка сидел за столом в своем кабинете. Низенький, плотно спрессованный,
он держал фуражку в руках. Это был сигнал опасности. Фуражку он снимал лишь в минуту
крайнего раздражения, так что мне представилась возможность разглядеть аккуратный зачёс,
прикрывающий раннюю лысину и округлые уши – локаторы.

– Рассказывайте, Дегтярев, как вы воспитываете своих подчиненных! – рыкнул Хач.

Азы службы я уже усвоил. Пялясь ему в глаза, громко выпалил:

– Виноват, товарищ подполковник!

Это смягчило его. Но фуражку он еще не надел.

– Распустили личный состав! К девкам со службы торопитесь!

– Так точно! – выкрикнул я.

Хач надел фуражку, и мне полегчало.

– Садитесь в мою машину и за Гапоненко! Найти и привезти! Сорок минут сроку!

Я вспомнил, что утром Гапоненко подходил ко мне и просился в увольнение.
«Не жениться ли?» – ехидно спросил я. И, конечно же, отказал.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – проговорил он с кривой усмешкой...

Искать Гапоненко я отправился в Лугинки. Подъехал сначала к клубу, но на дверях висел
амбарный замок. Какая-то пара шарахнулась от автомобильных фар. Мы остановились, и я
крикнул в их сторону:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.